

УДК 1(091)+111.6+141.1

К. И. Потапова

МЕТАФИЗИКА ДЕЙСТВИЯ У АРИСТОТЕЛЯ

Анализируя деяния человека, разнообразие которых установлено Аристотелем как ἔργον, ποιησις, πράξις и βίος θεωρητικός, автор статьи предлагает построение иерархии так называемых жизненных занятий: от дел насущных — труда до созерцательной жизни — теории. Основой предлагаемой вертикальной систематизации действий выступает отношение каждого из выделяемых видов к метафизически установленному понятию деятельности, понимаемому как ἐνέργεια, для которого необходимым и важным является не только стремление к цели, но и процесс его осуществления, предполагающий раскрытие «собственной природы» деятеля, выражающий его сущность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: деятельность, причина, стремление, цель, энергия, энтелехия, действие.

Как правило, когда говорят о действии, подразумевают некий «акт деятельности» [9], практическое совершение, предполагающее определенный результат: изменение, преобразование, создание, уничтожение окружающего пространства или его элементов и проч. Деятельность отличается процессуальным характером и понимается как активное отношение к миру или его элементам, контролируемое сознанием действующего субъекта. Понятие действия определяется понятием деятельности, выступая ее частью, элементарной единицей. Действие, как «структурная единица деятельности» [Там же], также всегда имеет направленность — либо на объект, либо на иной субъект и предполагает цель или результат, по которым оно оценивается. Однако понятие деятельности подразумевает не только нацеленность на какой-либо внешний результат. М. Хайдеггер в «Письме о гуманизме» подчеркивает, что «люди видят в деятельности просто действительность действия, чья действенность оценивается по результату. Но существо деятельности в осуществлении» [10, 266], понимаемом как разворачивание чего-то «до полноты его существа» [Там же]. Именно раскрытие сущности, выход к подлинности и есть смысл любой деятельности.

Деятельность как осуществление всегда касается того, что «есть», т. е. бытия. В ней сокрыто отношение бытия, заключенное в мысли о бытии, выразимое в языке. Деятельность, таким образом, подразумевая отношение бытия, всегда обращена к бытию; ее результат сокрыт в самом процессе о-существования как разворачивание до полноты «вот этого вот» сущего как оно есть, полноты, слышимой в зове бытия, ответом на который и выступает акт деятельности. Действие же обладает иной направленностью, являясь необходимым внешним звеном в пространстве деятельности. Иными словами, если деятельность можно трактовать как внутренний процесс само-о-существования, действие есть направленный на что-либо внешний шаг, подготавливающий внутреннее о-существование. М. Хайдеггер, придавая понятию деятельности онтологическое звучание, интерпретируя его как выход к полноте существа, вторит метафизике Аристотеля, в которой

деятельность понимается как ἐνέργεια — активность, актуализирующая каждую вещь согласно ἐντελέχεια, т. е. присущей вещи внутренней цели.

Аристотель исследует это понятие в «Метафизике»: деятельность — это не поведение, но одно из условий возможности мира в целом. Задумываясь о том, что же «есть» каждая вещь (τί ἐστί;), Аристотель, как известно, выделяет четыре причины сущего: сущность или форма (causa formalis), субстрат или материя (causa materialis), принцип движения (causa efficiens) и принцип цели или блага (causa finalis) [2, 160]. Сущность (или форма) есть суть бытия вещи. Однако «идея» вещи не может быть актуально сущей сама по себе: лишь соединенная с материей (субстрат, из которого можно сделать что угодно), обладая в себе целью и стремлением, она воплощает «вот эту вот» вещь. Форма, как и материя, не обладает самостоятельной реальностью, но в совокупности с последней образует конкретное данное нечто (τὸ δε τι). Г. В. Ф. Гегель, анализируя причины сущего, указанные Аристотелем, определяет форму (сущность) как «определенность или качество как таковое» [6, 226]. Далее, развивая идею качества как такового, он подчеркивает «два важных момента: форму возможности (δύναμις) и форму действительности (ἐνέργεια)» [Там же, 227], указывающих на то, что материя есть возможность (потенция) формы, тогда как форма — актуализация материи. Материи, для того чтобы стать действительной, необходимо направление движения, воплощенность и дооформленность, а форме — материал, чтобы «это» стало «вот этим вот». Однако именно форма, причастная к νοῦς, наделяет смыслом каждое τὸ δε τι, содержит в себе цель и причину. Νοῦς — формальная первопричина, существующая вне материи, вечно мыслящий ум, источник движения и всеобщая цель и смысл мира, поэтому «форма есть не только понятие и сущность каждой вещи, но и ее конечная цель и сила, осуществляющая эту цель» [11, 149], отмечает Э. Целлер. Таким образом, согласно мысли Аристотеля, то, что существует, предстает результатом единства первоматерии и формальной первопричины, содержащих в себе четыре причины сущего.

Любой материи необходимы оформление, т. е. некий общий смысл (οὐσία), конкретное содержание или «чтойность» (τὸ τὶ ᾗν), ἐντελέχεια, актуализирующая сущность, доводящая ее до завершенности, и ἐνέργεια или «чистая деятельность из самой себя» [6, 227] как осуществляющийся в данный момент времени переход к «вот этой вот» единичной вещи. Аристотель отмечает, что «"деятельность" (ἐνέργεια)... нацелена на "осуществленность" (ἐντελέχεια)» [2, 331]. Любой же форме необходима материя для собственного воплощения; единство формы и материи и есть вещь как «вот это вот». Форма есть суть самой чувственно воспринимаемой вещи, рождаемой из материи (ἐκ τινός). Природа вещи определена целью, положенной ей в качестве смысла собственного существования (ἐντελέχεια), и движением к ней (ἐνέργεια). Стремление к цели выступает условием любой ἐνέργεια, однако цель заключена в самой вещи как внутренний смысл, становление, развитие и разрешение. Итак, деятельность (ἐνέργεια) понимается как активность, предполагающая энтелехию (актуализирование, воплощение), имманентную энергии, как стремление к завершенности, источником которого выступает νοῦς.

Таким образом, не у М. Хайдеггера, но у Аристотеля мы сталкиваемся с так называемым онтологическим пониманием деятельности, или энергией, выступающей «чистой деятельностью из самой себя», чья причина и конечная цель заключена в самом процессе деятельности как актуализация или воплощение сути «вот этого вот» для каждого элемента сущего.

Переноса рассмотрение понятия деятельности в плоскость человеческого бытия, понимая под «человеком» единство души и тела, Аристотель называет душу формой («душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела»), тело — материей: «тело не есть нечто, принадлежащее субстрату, а скорее само есть субстрат и материя» [2, 99–101]. Как форма, душа есть энтелехия естественного тела, обладающая жизнью, понимаемой как способность тела-материи, в возможности. Всякая причина человеческого действия принадлежит душе как форме, хотя совершает это действие тело; именно душа направляет его к движению (*ἐνέργεια*). Переноса по аналогии учение о причинах сущего, предложенного в «Метафизике», в область существования человека, заключаем, что душа, будучи формой, есть источник человеческой деятельности, понимаемой как само-раскрытие, доведение до полноты возможности «быть человеком».

Однако мир человека, пронизанный тем, что автор называл «общением», обладает актуальной преданностью, есть существование и со-существование людей, живущих, стремящихся, взаимодействующих между собой. Человек, чья жизнь пронизана всевозможными хлопотами и заботами, вынужден поддерживать собственное существование, выполняя различные дела, которые, строго говоря, более ориентированы на внешний результат, чем на самоосуществление, раскрытие собственной сущности. Если действие есть необходимое внешнее (по цели) условие деятельности, а деятельность понимается как «доведение до замысла», какое дело из множества дел человека, совершаемых им на протяжении жизни, может быть названо человеческой деятельностью, а какое — действием? Достаточно ли простого стремления к цели, чтобы определить «стремящуюся активность» как действие? И если нет, что выступает необходимым условием того, чтобы эта активность им стала?

Анализируя все, что мы называем «живым», Аристотель выделяет четыре способности души: растительную, способность ощущать, движение и мышление. Первая свойственна всему царству живого, в том числе и растениям; вторая — животным и людям; последняя — исключительная способность человеческой души. Третья же двояка: предполагает цель и стремление; однако, объединенные как предмет стремления, они (и соответственно способность движения) могут быть причастны как душе человека, так и душе животного, исходя из характера стремления (вызвано разумом или желанием). Мышление, не связанное с телесными умениями, есть способность души мыслить, т. е. «иметь формы не в действительности, а в возможности» [Там же, 137]. Каждой из способностей души (растительная, способность ощущать, движение и мышление) присуща некоторая степень активности, т. е. душа любого существа (будь то растение, зверь или человек) имеет свое «дело», соответствующее ее собственным способностям. Активность, связанная с витальными потребностями существа, относится к растительной способности

души. Дело ощущающей способности души — воспринимать чувственное, стремящейся — достигать желаемого, мыслительной — разуметь.

Всякое же деяние человека, поскольку оно имеет начало в душе, соотносится с разумом, ибо только его душа вбирает в себя весь спектр возможных способностей души, обладает мышлением; причастная *νοῦς*, она есть энтелехия второго порядка. Единственный наделенный рассудочной душой, он склонен к деятельности, в которой и осуществляется его собственное предназначение. Каждая из активностей человека либо повинуется разуму (как активности растительной, ощущающей и желающей способности души у человека), либо сама обладает им в какой-либо степени. Те, что повинуются разуму, суть дела, обладающие им — действия или деятельность, ибо лишь в их основе заключен сознательный выбор. Свобода, предполагающая возможность, выступает необходимым условием любого действия. Однако и дела, и действия, и деятельность человека, как проявление свойств души (энтелехии), имеют цель своего свершения — внешнюю или внутреннюю по отношению к себе. Только лишь внутренняя цель соответствует «природе человека», так как под природой Аристотель понимает «то состояние, какое получается при завершении развития» [5, 37], предназначение, то, ради чего человек существует. Таким образом, деятельностью может быть названа только та активность, которая, соответствуя природе человека, полагает в качестве собственной цели раскрытие этой природы, а также свободу выбора, выражающую разумение человека.

Одним из возможных дел, соответствующих способностям души человека, является труд — *τὸ ἔργον*, собственно дело растительной способности, послушной рассудку. *Τὰ ἔργα* — хлопотные и безрадостные дела, связанные с добычей пропитания, одежды и жилья, то, что может быть охарактеризовано как работа вне зависимости от варианта вознаграждения (натуральный продукт или его эквивалент). К подобным делам относятся охота, земледелие, рыболовство, садоводство, скотоводство, кулинария, шитье и прочие хозяйственные деятельности, перечень которых с указанием оптимальных сроков выполнения представлен, например, Гесиодом в поэме «Труды и дни»:

В позднюю осень, когда ослабляет палящее солнце
Жгучий свой зной потогонный, и льется на землю дождями
Зевс многомогущий, и снова становится тело людское
Быстрым и легким, — недолго тогда при сиянии солнца
Над головами рожденных для смерти людей совершает
Сириус путь свой, но больше является на небе ночью.
Леса, который теперь ты подрубишь, червяк не источит.
Сыплются листья с деревьев, побеги свой рост прекращают.
Самое время готовить из дерева нужные вещи [7, 414–422].

Как правило, подобными рутинными и бесконечными, необходимыми и связанными с жизнеобеспечением делами занимались рабы. Эти дела есть *ἀλλ' οὐ λόγου*: для того чтобы их выполнить, достаточно быть способным подчиняться, иметь необходимый уровень понимания речи, обладать «техническими» навыками,

являющимися результатом научения, преобразованным в привычку. Последнее отнюдь не означает, что подобного рода дела всегда выполнялись исключительно рабами: «многие из работ, которые кажутся подходящими для слуг, отлично могут выполняться и свободнорожденными молодыми людьми» [5, 243]. Эти дела не связаны с исключительной природой человека ни с позиции способностей души (мыслительная способность), ни с позиции цели, преследуемой ими. Аристотель называет их скорее не действиями, но необходимой работой для удовлетворения потребностей. Однако даже для этого вида пред-действия Аристотель определяет (в соответствии с «Метафизикой») целевую причину, т. е. направленность на некий результат, отличный от самого дела, но принадлежащий сфере сущего (causa).

Таким образом, τὸ ἔργον выступает самым базовым видом, способным быть исполненным любым человеком, однако оно не соответствует «природе человека», так как, лишая досуга, вынуждает заниматься лишь проблемами биологической необходимости, не оставляя места действиям, соответствующим сущности людей.

Ощущающая душа, руководимая рассудком, обладает способностью собирать данные при помощи ощущений, на основе которых возникает представление о чем-либо. Однако и эта способность не относится к разумной части души, но лишь предоставляет ей чувственно-воспринимаемый материал. Стремящаяся душа зависима от предмета стремления, т. е. желаемого, и поэтому в своем деле — страстях — не является свободной.

Понятие действия, теснейшим образом связанное с понятием деятельности, также подразумевает стремление к цели и подбор подходящих средств, пригодных для ее достижения, что, в свою очередь, восходит к осознанию причины (соответственно ума, который и есть источник всякого начинания, т. е. движения или, иначе говоря, мыслительной способности души) и условий, находящихся «в душе, от которых зависит поступок и истина» [3, 159–160], т. е. добродетелей души деятеля, обладая которыми, человек способен выбирать средства, соответствующие цели.

Высшая же цель, определенная природой человека, есть стремление к благу. Философ подчеркивает: «Πᾶσα τέχνη καὶ πᾶσα μέθοδος, ὁμοίως δὲ πράξις τε καὶ προαίρεσις, ἀγαθὸν τινὸς ἐφίεσθαι δοκεῖ» [12, 1094a] («всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, как принято считать, стремятся к определенному благу» [3, 40]). Иначе говоря, цель всего перечисленного выше определена философами до Аристотеля (что подтверждается буквальным переводом оригинала, необходимым для точной передачи мысли) как стремление к благу (Аристотель исходит из этого положения, подтверждая его далее по тексту). Однако само благо есть («εἴ τι τῶν πρακτῶν ἀπάντων ἐστὶ τέλος, τοῦτ' ἂν εἴη τὸ πρακτὸν ἀγαθόν» [12, 1097a22]: «если для всего, что делается, есть некая цель, она-то и будет благом, осуществляемым в поступке» [3, 48]); осуществляемое в действительности и определенное в соответствии с ним, оно понимается как «ψυχῆς ἐνέργεια γίνεταί κατ' ἀρετήν» [12, 1098a17], деятельность души сообразно добродетели. В зависимости от поля применения благом может выступать мера, своевременность (удобный момент), соответствие этической добродетели или ум. По Аристотелю, универсального понимания блага нет и быть не может, нет и так

называемый идеи блага, как полагал Платон, но в каждой отдельной области, в каждой конкретной ситуации благом будет та или иная цель (или несколько целей). Таким образом, внутренняя цель, представляемая в «Метафизике» как само-из-себя развитие, раскрытие сути, бытие в соответствии с собственным смыслом, в сфере человеческого существования оборачивается стремлением к благу, в деле же, необходимом, но не соответствующем существу человека, цель всегда внешняя. Соответственно деятельностью в полном смысле слова стоит называть лишь ту активность, что связана с самораскрытием собственной сущности через стремление к благу; в остальных случаях речь будет идти о делах или действиях.

Аристотель говорит о нескольких видах занятий свободных горожан. Каждое из них восходит к рассудочной части души (в большей или меньшей степени), а значит, подразумевает под собой какое-либо знание; также каждое предполагает наличие соответствующих добродетелей, как этических (полагающих благо высшей целью), так и мыслительных (цель которых — истина).

Первый вид — так называемое «продуктивное действие» [5, 40], ποιησις. Положение этого действия крайне двойственно по Аристотелю, так как оно имеет цель, внешнюю по отношению к себе (и, более того, определено не благом, а пользой, т. е. рассчитано на сторонний результат, как и ἔργον), однако восходит к рассудочной части души, следовательно, опирается на знание. Это такое действие, в результате которого появляется нечто новое, сотворенное автором, вещь физического пользования или предмет, созданный для услады. Наиболее точно характер деяний этого вида представлен в «Этике к Никомаху»: как любое занятие, основанное на свободе выбора, подразумевает под собой свойства рассудочной части души, так и ποιησις, как созидание, относится именно к этой ее части, к которой, однако, применимо деление на две компоненты. Первой созерцаются неизменные принципы бытия, второй — то, что подвластно изменению. Последнее, в свою очередь, также двояко: «к тому, что может быть иным, относятся творчество и поступок» [3, 161]. Однако под творчеством также понимается некое деяние, ποιησις, поэтому фактически речь идет о двух видах занятий касательно изменчивого в мире: о творчестве (ποιησις) и о действии (πρᾶξις).

Устанавливая различие между ними, Аристотель подчеркивает, что, хотя они оба и относятся к одной области (изменчивому), принадлежат рассудочной части души, однако отличаются не только по роду, но и по цели. Касательно первого из них отмечается: «искусство и приобретенное душевное свойство творчества, следующего истинному разуму, — одно и то же» [Там же, 162]. То есть ποιησις имеет своим источником свойство души, именуемое творчеством, целью же — создание чего-либо иного. Способ, которым достигается истина с помощью этого вида действия, — искусство. В данном случае цель процесса, по мысли Аристотеля, находится вне его самого, т. е. не может быть искусства ради искусства, оно всегда с необходимостью нацелено на результат, внешний по отношению к самому себе. Не ради простого времяпровождения, но направляемые призыванием обращаются люди к таким занятиям. Поэтому занятия такого рода должны выполняться людьми, обладающими соответствующими навыками и знаниями, и эти люди не должны являться рабами, но свободнорожденными, δῆμος. Чаще всего имеется

в виду слой ремесленников, однако под понятие представителей творческих занятий также должны подпадать и поэты, и актеры, и музыканты, и художники.

Касательно последних трех профессий исследователями неоднократно было отмечено, что их положение в обществе (вплоть до XVIII в.) мало чем отличалось от положения слуг, было деперсонифицированным. Сам исполнитель, его характер и склонности не интересовали зрителя: значимой была роль, которую он исполняет, а также то, насколько он правдоподобен в играемой роли. Иными словами, ключевым умением актера или музыканта, художника и проч. выступала способность точно передавать образ исполняемого персонажа или сюжета. Как правило, артистов призывали для увеселения на различные празднества или просто для приятного времяпровождения [8]. Пожалуй, единственное различие между исполнителем и слугой (рабом) заключалось в том, что «человек искусства» был свободен, принадлежал не кому-либо, но сам себе, однако должен был сам себя и кормить. Поэтому он выступал как профессиональный исполнитель, оставаясь при этом безликим для публики: он лишь представлял Диониса или Сизифа в театре, фригийский марш — на кифаре или лире.

Так, Аристотель, например, отмечал, что в юношеском возрасте нужно заниматься изучением музыки (причем практически, т. е. не только слушая ее, но и исполняя). Однако не стоит человеку, если он не собирается связывать свою жизнь с подражательным искусством, усердствовать чрезмерно, ибо исполнение и музыка в целом хотя и важны для восприятия гармонии и создания настроения, а также для усовершенствования в добродетели среди молодежи, однако же, становясь профессией, вытесняют это «воспитание добродетели», преследуя уже иную цель — доставление удовольствия слушателям [5, 261–264].

На первый взгляд кажется, что поэты и драматурги, творцы словесного творчества, авторы, должны иметь связь с самим Аполлоном для создания того или иного произведения, поэтому их творческая деятельность должна быть отлична от простого воспроизведения и подражания. Комедии, драмы и прочие произведения писались для увеселения или наставления народа, поэтому, имея цель вне самой себя, эти действия также были направлены на получение пользы (материального вознаграждения или славы), а сами авторы признавались «слугами муз». Аристотель также определяет этих авторов как воспроизводителей. При этом философ отмечает, что «эпос и трагедия, а также комедия, дифирамбическая поэзия и большая часть авлетики и кифаристики — все они являются вообще подражанием» [4, 40]. Итак, занятия как авторов, так и исполнителей, одним словом, выразителей того свойства души, что именуется творчеством, приверженцев искусства, есть ποιησις. Однако ποιησις не только искусство в привычном для нас понимании (живопись, скульптура, литература, театр, музыка, танец и проч.), но любое продуктивное действие, имеющее своей целью нечто отличное от самого себя. Так, врачевание и судоходство также являются видами искусства.

Следующий вид искусства — πρᾶξις, поступок, активное действие — так же, как и ποιησις, принадлежит рассудочной части души касательно изменчивого в мире. Однако, как отмечалось ранее, они различны и по виду, и по цели. Так πρᾶξις, во-первых, имеет целью высшее благо, во-вторых, принадлежит той части души,

что рассудочна сама по себе, т. е. непосредственно связана с принятием самостоятельных решений. Результат этого действия не только положен в будущем (что отмечал Аристотель, ибо мы принимаем решения касательно будущего, но не прошлого [3, 160]), но и чаще всего непредсказуем для самого деятеля [1, 237–254], так как мы можем только ожидать и предполагать, что тот или иной поступок произведет такой-то результат, однако каков он будет в конечном итоге, покажет лишь время. Создатель же, творя нечто, ориентируется на потребности зрителя, т. е. изготавливает продукт, запечатленный в вещи.

Судить о поступке возможно, лишь обладая всей полнотой картины, т. е. понимая мотивацию автора и его позицию и зная последствия совершенного действия. Насколько это объективно возможно — вопрос апористический, поскольку никто не знает автора лучше, чем он сам; с другой стороны, ни один автор не может обозреть всю полноту последствий собственного деяния (роль здесь играют как фактор времени, так и фактор осведомленности). Крайне важно одно уточнение: поступок всегда социален, поэтому его последствия и не могут быть «просчитаны» полностью. Если ранее рассмотренные виды действия ($\tau\acute{\alpha}$ ἔργα и ἡ ποιήσις) свершаются в области личного пространства, то именно поступок выводит нас в сферу публичного, будучи активностью в мире бытия-друг-с-другом. Именно $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ может быть понят как социально-значимое действие, разворачиваясь в области со-бытия. Поэтому Аристотель, определяя высшую цель государства как достижение блага [5, 37], особо выделял $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ как действие, сообразное добродетели, совершаемое не в частной, а в общественной жизни, предполагая, что она соответствует природе человека [Там же].

Поступок — это не только постановка цели и подбор средств, в отличие от $\pi\omicron\iota\eta\sigma\iota\varsigma$, он всегда обладает личностным характером, говоря о «Я», «Некто», кто это сделал. Это действие связано с неким начинанием — $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ ($\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\mu\alpha\iota$ есть также и управление, а управители — архонты), а также со словом [1, 228–230], выводя на свет Некто как деятеля, хотя и не раскрывая его сущности, говоря об этих деяниях событийно, т. е. рассказывая истории. Из всего перечисленного ранее только $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ выделяется как действие, достойное свободного человека (само понятие гражданина определяется в соответствии с делом, которым человек занят, и только тот признается гражданином, кто участвует в политических делах, непосредственно связан с какой-либо властью в области совместного существования, т. е. социума). Итак, $\pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ — это вид действия, совершающийся в пространстве общности и предполагающий высшей целью стремление к общему для горожан благу, прийти к которому помогает благоразумие и рассудительность как способности души.

$\Pi\rho\acute{\alpha}\xi\iota\varsigma$ — «действие», так как предполагает активность свободных граждан, разворачивающуюся в сфере человеческой общности, воплощая ее смысл в стремлении к высшему благу. Более того, он есть действие, согласное с природой человека ($\beta\iota\omicron\varsigma$ πολιτικός), поэтому стоит ближе к понятию «деятельности», чем ранее рассмотренные дело и продуктивное действие. Однако лишь та деятельность души ($\acute{\epsilon}\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$) выступает деятельностью в строгом смысле, которая, имея целью ($\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$) самое себя, наиболее полно соответствует исключительной природе

человеческой души — способности мыслить. Аристотель, как известно, выделяет два вида ума (и соответственно два вида знания): «существует, с одной стороны, такой ум, который становится всем, с другой — ум, все производящий, как некое свойство, подобное свету» [2, 139]. Поэтому обладающая суждением часть души также двояка: первая часть — та, что обладает им в собственном смысле, а вторая — та, что слушается его. Все знание, полагающее целью иное, есть способность производящего ума, необходимого для всех видов деятельности; ум же, ставший всем, свойствен только созерцательным наукам: математике, физике и, в большей степени, первой философии, исследующей сущее как оно есть, которые Аристотель называет умозрительными [Там же, 266–268]. Эти науки должны пониматься в качестве высшей деятельности души, ибо таково созерцание.

Познание сущего как оно есть — занятие философа, связанное лишь с одним пониманием жизни — βίος θεωρητικός, созерцательной жизнью. Немногие люди имеют способности, необходимые для подобного занятия, большинству же оно, имеющее целью само себя (θεωρητικὴ ἐπιστήμη), недоступно. Эта деятельность, исследуя то, что неизменно, занимает особое положение, отличное как от праксиса, так и от поэзиса, так как ее предмет — подлинно сущее, а не то, что может быть так или иначе. Соответственно и θεωρητικὴ ἐπιστήμη отлична от остальных видов знания, соотнесена с определенной частью души — разумной, обладающей умом в собственном смысле. И праксис, и поэзис основываются на соответствующем виде знания, имеющем цель вне самого себя, направленном либо на результат (ποιητικὴ ἐπιστήμη), либо на процесс деятельности (πρακτικὴ ἐπιστήμη), причем знание практическое Аристотель считает более надежным, чем поэтическое. Однако из пяти вещей, благодаря которым душа достигает истины: «искусство, наука, рассудительность, мудрость и ум» [3, 160], наиболее совершенной выступает созерцательная деятельность, восходящая к истине при помощи науки и мудрости.

Итак, понимание деятельности как ἐνέργεια, т. е. активности, воплощения, когда любая сущность раскрывает самое себя в осуществленности, актуализируясь, есть возможное понимание деятельности человеческой души, соответствующее ее природе. В таком случае «деятельностью» в строгом смысле слова выступает лишь такое активное отношение к миру, которое может быть названо созерцанием, в то время как любое процессуальное «преобразование» окружающего «пространства» непременно должно быть определено целью (внешней или внутренней, т. е. стремлением к благу) и соответствовать естеству человека. В этом случае возникает необходимость говорить не об одной какой-то деятельности или ее видах, но о сложившейся иерархии занятий. Эта иерархия выделяется сообразно с соответствием или несоответствием того или иного дела природе человека, со свободой, как условием выбора того или иного вида деятельности, а также с целью, каковую преследует человек, занимаясь этой деятельностью. Все совершаемое человеком может быть соотнесено с иерархией: дело (внешняя цель, несоответствие исключительной природе человека) — продуктивное действие (внешняя цель, одна из возможностей человека как человека) — общественное действие (поступок; внутренняя цель, внешнее выражение собственной природы — социальность) — деятельность в строгом смысле (самоцель — постижение

как собственной сути, так и сущего как оно есть, через обладание высшей возможностью — созерцанием).

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина ; под ред. Д. М. Носова. СПб., 2000.
2. *Аристотель. Сочинения* / ред.-сост. Т. Г. Тетенькина. Калининград, 2002.
3. *Аристотель. Этика* / пер. Н. В. Брагинской, Т. А. Миллер. М., 2002.
4. *Аристотель. Об искусстве поэзии* / пер с древнегреч. В. Г. Апельсброта. М., 1951.
5. *Аристотель. Политика. Афинская политика* / предисл. Е. И. Темнова. М., 1997.
6. *Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 10 : Лекции по истории философии. Кн. 2 / Ин-т Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). М., 1932.*
7. *Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла* / пер. В. В. Вересаева. М., 2001.
8. *Головня В. В. История античного театра. М., 1972* [Электронный ресурс]. URL: <http://sno.pro1.ru/lib/golovnja/index.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
9. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. М., 2000–2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3639.html> (дата обращения 30.01.2016).
10. *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления* / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб., 2007.
11. *Целлер Э. Очерк истории греческой философии* / пер с нем. С. Л. Франка. СПб., 1996.
12. *Ἀριστοτέλους. Ἠθικὰ Νικομάχεια* [Electronic resource]. Aristotle. Mode of access: <http://khazarzar.skeptik.net/books/aristot/nicg.htm> (accessed: 15.01.2016).

Рукопись поступила в редакцию 25 мая 2016 г.